

Цетради

по консерватизму

{ № 4 2022 г. }

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2022

«Первохристианский коммунизм»: русская церковная публицистика второй половины XIX — начала XX века о феномене иерусалимской общины*

Идеи социализма, проникшие в Россию в 30-е годы XIX века, с каждым десятилетием завоевывали себе все большее число сторонников, и, начиная со второй половины XIX века, стали предметом широкой общественной полемики. Не остались в стороне от нее и церковные авторы, из-под пера которых вышел целый пласт обличительной литературы [5, с. 703–717]. С церковных позиций социализм, как правило, осуждался за утопичность, антирелигиозную и антицерковную направленность, материализм, отрицание христианского учения о морали и нравственности, пренебрежение к человеческой личности, индивидуальности и свободе, разжигание низменных страстей, сеяние злобы, зависти и ненависти, а также за попытки отдельных авторов-социалистов представить социализм как подлинное учение Христа и поставить его на место христианского. При этом наиболее глубокие критики социализма из церковной среды обращали внимание и на его сильные стороны, так называемую «правду социализма», которая виделась им в обличении «неправды капитализма» — погоне за наживой, огромном разрыве между богатыми и бедными, пренебрежении к нуждающимся, несправедливости в оплате труда, а также в идейности и жертвенности его проповедников и последователей [12, с. 323–340].

То обстоятельство, что сторонники социализма нередко обращались к Священному Писанию и истории раннего христианства, пытаясь при их помощи обличить несправедливость существовавшего строя, а также современную им Православную Церковь, которая, по их мнению, не соответствовала ей же проповедуемым евангельским принципам, заставляло церковных авторов вступать в заочную полемику с социалистами и по этому вопросу. Так, например, родоначальник русского социализма А.И. Герцен неоднократно обращался к истории ранних христиан, которых противопоставлял «византийскому христианству», писал о братстве первых последователей Христа и об отсутствии у них частной собственности, отмечая, что со временем «христиане сделались хуже язычников»: «Где эта семья, у которой было одно сердце, одна душа, где собственности не было, а было все общее...» [4, с. 39–40; 11, с. 94–95]. Ф. Энгельс обращал внимание на то, что «в истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением» [28, с. 467]. К. Каутский прямо пишет о «иерусалимской коммунистической христианской общине» [14, с. 316]. Революционер-народник Л.Э. Шико, бывший в 1870-е годы чайковцем, а в начале XX века ставший видным деятелем партии эсеров, писал, что «учение Христа было обращено к бедным», что выступал Он против богатых, отвергал «власть человека над человеком», а имущество у первых христиан было общее, и лишь со временем «сущность учения Христа была забыта многими христианами,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44084.

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

и в христианской церкви на первое место выступили обряды и пышное богослужение» [26, с. 15–16]. И даже В.И. Ленин отмечал «демократически-революционный дух» первоначального христианства [15, с. 43].

«...Иногда социалисты ссылаются и на христианство <...> для того, чтобы удобнее привлечь и верующих на свою сторону», — писал в связи с этим протоиерей Иоанн Восторгов, категорически отвергавший мысль, что «Христос <...> завещал социализм» [7, с. 18]. Особое место в этой связи занимал вопрос, касающийся иерусалимской общины первых христиан, в которой некоторые из проповедников социализма увидели коммунизм перво-христианский или древнехристианский [10, с. 25–53], а религиозный философ Г.П. Федотов, бывший в начале XX века членом РСДРП, а затем ставший приверженцем христианского социализма, охарактеризовал как «апостольский коммунизм» [24, с. 325].

Как следует из Деяний Апостольских, в иерусалимской христианской общине, названной одним из церковных авторов «колыбелью всей христианской Церкви» [23, с. 20], все «верующие были вместе и имели все общее: и продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде всякого» (Деян. 2:44–45); «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имущества своего не называл своим, но все было у них общее» (Деян. 4:32); «Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4:34–35). Однако и в этом близком к идеальному обществе первых христиан, как следует далее, были те, кто не смог удержаться от падения: «Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирию, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? для чего ты положил это в сердце твоём? ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. <...> Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за сколько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько. Но Петр сказал ей: что это согласились вы искутить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух» (Деян. 5:1–5, 7–10).

Этот рассказ из Деяний святых апостолов, который, по словам одного из церковных авторов «глубоко захватывает и верующего христианина <...> и неверующего материалиста-социалиста» [19, с. 588], дал благодатную почву для утверждений, что подлинное христианство должно стремиться к социалистическому и даже коммунистическому строю, что именно это заповедал людям Христос, но Христианская Церковь в лице своих служителей, якобы, исказила Его учение и стала прислуживать богатым и власть имущим. Как отмечал церковный историк М.Э. Поснов, «факт общения имуществ в Иерусалимской церкви является главным доводом для современного материалистического социализма в его воззрении на первенствующую церковь как коммунизм» [Там же, с. 588]. Поскольку такая трактовка стала довольно популярной, православные священнослужители, миссионеры, церковные публицисты и преподаватели духовных школ были вынуждены дать ей богословскую оценку.

Среди церковных авторов, уделивших этому вопросу особое внимание, были богослов, церковный историк и проповедник протоиерей Александр Иванцов-Платонов (1835–1894); духовный писатель протоиерей Андрей Хойнацкий (1837–1888); философ, богослов и профессор Харьковского университета протоиерей Николай Стеллецкий (1862–1919); религиозный философ, профессор Киевской духовной академии и главный редактор журнала «Христианская мысль» В.И. Экземплярский (1874–1933); миссионер и активный

деятель монархического движения, прославленный ныне в лике священномучеников, протоиерей Иоанн Восторгов (1867–1918); священник Петр Альбицкий (1862–1922); духовный писатель и богослов архиепископ Алексей (Дородницын; 1859–1919); будущий митрополит Платон (Рождественский; 1866–1934); богослов и библиист, профессор Киевской духовной академии М.Э. Поснов (1873–1931) и др. Церковные авторы, обращавшиеся к тексту Деяний, выделяли, как правило, ряд аспектов, позволявших, по их мнению, опровергнуть расхожее мнение о тождестве устройства жизни иерусалимской общины с социалистическим или коммунистическим учением о принципах совершенного человеческого общежития. В рамках данной статьи выделим основные доводы, встречающиеся в публицистике второй половины XIX — начала XX века, выдвинутые церковными авторами в ходе заочной полемики с социалистами.

Феномен иерусалимской общины

Размышляя над вопросом, справедливо ли считать иерусалимскую общину коммунистическим сообществом, церковные публицисты первым делом озадачивались тем, как именно следует понимать апостольское свидетельство об установившихся у первых христиан имущественных отношениях. Неизвестный церковный автор, посвятивший в 1880 году статью «мнимому коммунизму» первохристианской общины, после рассуждений о возможной форме собственности у ее членов, приходил к следующему выводу: только при допущении существования у христиан такой формы обобществления, при которой «все члены общества обязательно или принудительно должны были жертвовать обществу всем своим имуществом, которое затем делилось между всеми ними вполне равномерно, мы должны признать, что в Иерусалимской церкви со времен апостолов господствовал строгий, безусловный коммунизм» [21, с. 157]. Однако, по мнению самого автора, факты говорят о другом: если же первые христиане жертвовали в пользу общества исключительно по свободному расположению сердца, и «никто другой не в праве был заявлять притязание на имущество своего сочлена», то «в строгом, буквальном смысле слова в общении имуществ (так называемом коммунизме, по современному его понятию) в Иерусалиме не может быть и речи»; и даже если в общине были установлены «временные и неопределенные» взносы в пользу всего общества, а апостолы разделяли это общественное имущество в той или иной мере разным его членам, смотря по их нуждам, то и в этом случае можно говорить лишь о «не строгом коммунизме» [Там же, с. 157]. Так же считал и протоиерей А.Ф. Хойнацкий, отмечавший в 1879 году, что, вероятнее всего, каждый член иерусалимской общины «по своей доброй воле продавал или не продавал имение свое, но так как дух этого первого общества был очень высок, то продающих без сомнения было много». «Как не видно из текста Деяний, чтобы все продавали имения свои, так не видно и того, чтобы продающие продавали все, что имели, не оставляя ничего себе в собственность, — отмечал он далее. — Скорее всего, каждый желающий внести в общую кассу продавал из своего имения, что хотел. Продавать ли, или не продавать, и сколько продавать, было делом доброй воли и совести каждого, и определялось степенью братской любви каждого. И только вследствие того, что любовь эта была уж очень сильна, продавали многие и много, и из этой-то кассы раздавали, кто в чем нуждался» [25, с. 735–736].

«Строгий коммунизм», при котором члены общины *обязаны* были жертвовать своим имуществом в пользу общества, полагал автор статьи о «мнимом коммунизме» в древней Иерусалимской церкви, на практике никак не мог быть осуществлен. Доказывал он этот тезис следующим образом: постоянный приток в общину новых членов, «сотнями и даже тысячами зараз», при поддержании «чистого коммунизма» привел бы к тому, что апостолам пришлось бы постоянно заниматься распределением средств и имуществ. А включение

в число общины все новых и новых бедняков еще больше усложняло бы эту задачу, поскольку потребовало бы непрерывно перераспределять имущество между ее членами с целью их уравнивания. Кроме того, добавлял автор статьи, нельзя исключать, что отдельные христиане могли со временем приумножить или потерять доставшуюся им часть благосостояния и тогда, если следовать принципу строгого имущественного равенства, был бы необходим новый передел между членами общины. И таким образом Иерусалимская церковь, «если бы в ней действительно властвовали начала строгого коммунизма», оказалась бы всецело поглощена бесконечными имущественными раздорами [21, с. 157–158].

В качестве доказательства, что обобществление имуществ имело в иерусалимской общине свободный характер, церковный автор приводил и такие доводы: становясь членом Церкви, каждый христианин оставался в своем прежнем звании, что при полном объединении имуществ было бы едва ли возможно; в Священном Писании больше нет указаний на то, что в какой-либо другой местной церкви господствовало «общение имуществ», «покоящееся на принуждении или безусловной обязательности», напротив, «ясным свидетельством решительного незнакомства первой Церкви с коммунизмом служит то обстоятельство, что при каждой новой потребности вспомоществования другим Церквам всегда снова призывались христиане имущей Церкви в собрание для рассуждения», что было бы совершенно излишним в коммунистическом обществе; среди самих членов Иерусалимской церкви, как следует из книги Деяний, оставались люди, владеющие частной собственностью (например, мать Иоанна — Мария имела свой дом, в котором многие собирались и молились (Деян. 12:12); если допустить, что каждый христианин *обязан* был жертвовать всем своим имуществом в пользу общества, то странным становится упоминание о поступке Варнавы (Деян. 4:36–37), который пожертвовал все свое имущество Церкви, как о деле, заслуживающем особой похвалы: «к чему было бы упоминать о добром поступке одного, когда все христиане обязательно делали то же самое?» [Там же, с. 159].

Ректор Казанской духовной академии владыка Алексей (Дородницын), так же не считавший порядок, установившийся в иерусалимской общине коммунистическим, вслед за католическими и протестантскими богословами полагал, что слова о том, что у иерусалимских христиан «все было общее», не обязательно понимать буквально. Как и немецкий теолог И.Л. фон Мосхайм, владыка считал, что эти слова «просто обозначают то, что первые христиане такую имели любовь друг к другу, что каждый из них готов был лишиться всего своего имущества, чтобы помочь своему брату, как и теперь, например, говорят, что у истинных друзей все общее» [1, с. 18]. О том же самом писал и неизвестный церковный автор конца XIX века, трактовавший слова «все верующие были вместе и имели все общее» как наличие у иерусалимских христиан «столь возвышенного чувства любви, что никто из них не считал своего имущества своей исключительной собственностью, напротив, только даром, уделенным Богом для того, чтобы помогать ближним, делить с ними все свое достояние» [21, с. 159]. А в словах о продаже своих имений, продолжал автор статьи, нет указаний на то, что «все христиане обязательно продавали все свое имение, ни того, что всю цену проданного должны были отдать обществу, ни, наконец, того, что приобретенное от продажи разделялось между всеми, но лишь указывается, что ревнители благочестия вырученное от продажи своих имений (всего или части их) разделяли между нуждающимися, смотря по их нуждам» [Там же, с. 160].

Ссылаясь на труды французского католического богослова Н.-С. Бержье, Алексей (Дородницын) обращал внимание на то, что и в дальнейшем христианские авторы (Иустин, Лукиан, Климент Александрийский, Тертуллиан, Ориген, Киприан и др.) неоднократно ука-

зывали на общность имущества у христиан, но при этом «и вопроса не может быть о том, что здесь речь идет об общении имуществ *не в буквальном смысле*» [1, с. 18]. При этом сам архиерей не отрицал возможности, что первые христиане Иерусалима действительно сложили свои имения в одно общее имущество, но подчеркивал: «*Эта коммуна была чисто добровольная и рассматривалась, как учреждение временное*» [1, с. 19].

Священник П.А. Альбицкий, также считавший неверным мнение об отсутствии у иерусалимских христиан частной собственности, обращал внимание, что сами слова апостола о том, что «никто из владельцев не называл своих имений своими», ясно свидетельствуют о том, «что у некоторых из иерусалимских христиан были свои имения», и «если же этими имениями пользовался всякий нуждающийся член христианской общины, то совсем не потому (как утверждают социалисты), что они составляли собственность общины, а только потому, что на это было доброе согласие владельцев этих имений» [2, с. 15–16]. М.Э. Поснов для прояснения вопроса о характере собственности в иерусалимской общине подверг текст из Деяний апостольских подробному экзегетическому анализу и также пришел к выводу, что «данные относительно жизни первых христиан <...> решительно говорят против общения имуществ как законно-обязательного института» [20, с. 746]. По его мнению, «общение имуществ» вовсе не было коммунизмом, а являлось, скорее проявлением «семейного характера», который приняла возвышенная жизнь иерусалимских христиан, живших «во время благоприятное» и чаявших скорого второго пришествия Христа [Там же, с. 749]. Профессор-богослов полагал, что члены общины имели общую кассу и, подражая жизни Христа и Его учеников, «по-семейному» пользовались ею, а в случае ее оскудения — пополняли ее за счет того, что кто-то из обеспеченных членов общины продавал часть своего имущества и вносил вырученные средства для удовлетворения потребностей нуждающихся. Но это не было обязанностью, а являлось самоотверженной помощью, проистекавшей из «великой благодати» и полного духовного единения. Таким образом, частная собственность не отменялась, но ее границы размывались и даже устранялись под влиянием христианского воодушевления, но никак не под нажимом внешних предписаний или давления авторитетов [Там же, с. 749—750].

Как на принципиально важный момент церковными авторами указывалось на то, что иерусалимская община была организована исключительно на *добровольном* принципе. «...Когда социалисты ссылаются на это место нашей христианской священной книги, они читают его не всё и не с должным пониманием, — писал протоиерей И.И. Восторгов. — Где причина общего раздела имущества у первых христиан? А в том, что у них *была душа одна и сердце одно*. Об этом-то и сказано прежде всего в священной книге, об этом-то и социалистам надо подумать прежде всего. Итак, сначала нужно достигнуть именно этого святого единодушия и единосердечия между людьми, то есть поднять, просветить их нравственно, воспитать их духовно, тогда *сам собою* и явится такой порядок жизни, при котором богатые *добровольно*, как и было при апостолах, отдадут свои избытки бедным. Насилия не было у первых христиан; они продавали по желанию сердца свои имения, но не отнимали же потом этих имений у тех, кому продали, как делают это нынешние социалисты» [7, с. 18–19].

Наиболее емко и ярко, на наш взгляд, эту мысль выразил профессор Киевской духовной академии В.И. Экземплярский. Считая, что иерусалимская община дала пример подлинно-христианского отношения к собственности и «*идеальное воплощение тех начал, какими проникнуто Евангелие* в его отношении к устройению материальной стороны человеческой жизни», богослов так характеризовал его суть: «внутреннее отрешение от исключительного владения собственностью и готовность всем своим делиться с другими» [27, с. 24–25]. Доказывая на этом примере, что нравственным долгом для христианина должно быть не «приобретение, хранение и умножение» имущества, а «такая полнота

переживаний любящей души, при которой была бы *психологически невозможна* самая мысль об исключительности моего *права на обладание* известным предметом», Экземплярский вместе с тем также не отрицал того, что «христианство никогда не посягало на неприкосновенность права собственности и признавало юридическое право каждого владеть своим» и строжайше осуждало всякое посягательство на чужое [Там же, с. 25]. Но там, где по-настоящему начинает царить христианская любовь, между людьми сами собой устанавливаются отношения, близкие к тем, что существуют в дружной и любящей семье: «Закон признает право каждого члена семьи на обладание известной собственностью. Между тем, в действительности нет такого внешнего деления “моего” и “твоего” в жизни каждой семьи, связанной чувством живой любви. Этим чувством была одушевлена и первенствующая Церковь, у которой живо было сознание того, что один у всех Отец Небесный, один Спаситель мира и все они — братья и сестры, призванные вместе совершать свое земное течение и вместе стремиться к спасению. Насколько такое сознание должно быть свойственно каждой христианской общине, настолько несомненно, что в *идеале устройства Царства Божия на земле в Церкви Христовой* мы должны мыслить такое единение духа, а неразрывно с ним — и *единение в имуществе*, реальный свободный отказ в отношении владения своим имуществом от того юридического начала, которое лежит в основе царства эгоизма» [Там же, с. 26].

Как бы подводя итог, церковный историк и проповедник протоиерей Александр Иванцов-Платонов отмечал, что на примере иерусалимской общины «христианство показало, при каких условиях возможно, каким путем достижимо такое идеальное общественное устройство», и «единственный путь к этому есть нравственное очищение и возвышение общества, утверждение в нем христианских начал, развитие духа любви до полного самоотвержения, чтобы всякий готов был отдать все свое для всех, чтобы было в обществе одно сердце и одна душа, — а, конечно, не противоположный путь нравственного разращения и ожесточения, не усиление в обществе взаимного раздражения и вражды, не проповедь насилия, эгоизма и борьбы за существование...» [13, с. 82]. И если бы, считал пастырь, в христианских обществах сохранился бы такой же дух, как у христиан первого времени, «если бы и теперь у христиан было одно сердце и одна душа», то «не было бы тогда надобности ни в каких социалистических преобразованиях и переворотах», «не было бы тогда ни той резкой разницы между общественными классами, на которую так жалуются нынешние социалисты, — ни той опасной неприязни между ними, которую более и более стараются возбудить проповедники социалистических учений; не было бы ни пренебрежения и притеснения от сильных слабым, ни зависти и ненависти от слабых к сильным, ни вообще всех тех моральных и физических неурядиц и несчастий, которые происходят от того, что одни люди слишком эгоистически пользуются своим хорошим положением в жизни, а другие не имеют средств к удовлетворению самых необходимых потребностей жизни» [Там же, с. 80].

Грех Анании и Сапфиры

Суровая божественная кара, обрушившаяся на Ананию и Сапфиру, на первый взгляд может выглядеть как наказание за их нежелание подчиниться «коммунистическому» порядку, установленному в иерусалимской общине и совершенной ими «кражи» части имущества, которое должно было считаться общественным. Однако церковные публицисты были едины во мнении, что такая трактовка была бы ошибочной. Церковный автор конца XIX века, трактуя этот фрагмент Священного Писания, отмечал: «Здесь с ясностью, не допускающей никакого перетолкования, говорится, что Анания имел полное право не продавать своего имения, а удержать при себе, как свою собственность и, продавши име-

ние, мог свободно распорядиться вырученными деньгами — пожертвовать Церкви все сполна или ничего не пожертвовать, или отдать только известную часть их в пользу Церкви. Можно было сделать так или иначе, но только прямо, открыто, честно, не кривя душой, не выдавая части приобретенных от продажи денег за всю цену проданного. За нарушение этой честности, могшее подать гибельный соблазн другим членам Церкви, за лицемерную благотворительность, столь противную духу христианства и наказаны были Анания и Сапфира» [21, с. 746].

О том же писал и Алексей (Дородницын), отмечавший, что апостол Петр обвинил Ананию не в том, что тот не захотел расстаться со своим имуществом или совершил «кражу» в ущерб интересам коммуны, а в том, что он «оказался *лицемером и лжецом*». «Из приведенных слов ап. Петра с ясностью следует, что Анания имел полное право не продавать своего имущества, а продав его, вырученные деньги удержать у себя», — писал владыка [1, с. 20]. «Апостол Петр сказал Анании: “Чем ты владел — *не твое ли было*, и приобретенное продажей *не в твоей ли власти находилось*? Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому. Ты солгал не человеку, а Богу” (Деян. 5:3–4). Значит, христиане не принуждали раздавать свое имение; значит, все у них делалось добровольно, по доброму влечению сердца и по высокому нравственному состоянию первых исповедников Христа. Анания с женой наказаны были *за ложь*, а не за то, что не отдали всех денег в общее пользование», — приходил к тому же выводу отец Иоанн Восторгов [7, с. 19].

Но иногда встречались и весьма оригинальные трактовки этого проступка. Так, в журнале «Воскресное чтение» за 1876 год был опубликован материал, в котором утверждалось, что именно Анания явился предтечей коммунистов [3, с. 206–207]. По мнению автора¹, не сумевший возвыситься до осознания того, что обобществление имущества должно достигаться исключительно «нравственным единением и любовью друг к другу», Анания вместе с тем увлекся «неизвестным древнему миру духом вспомоществования, духом коллективной силы, направленной на улучшение материального благосостояния общества», и в результате, с одной стороны, возжелал быть сопричастным этому движению, а с другой — не захотел расставаться со всеми своими средствами. Осуждая поступок Анании за лицемерие, бесчестие, своекорытность, за то, что личная страсть победила в нем стремление к общественному благу, автор статьи заключал: «Анания представляет собою прообраз современных европейских коммунистов. Подобно Анании, и они увлекаются внешней стороной общения имуществ. Им хочется не помогать друг другу, а жить на чужой счет. Их берет зависть, что известные лица имеют большое состояние, а у них нет ни имущества, ни желанья трудиться для приобретения его, и вот они, провозглашая собственность воровством, сами воруют и грабят других. Такие лица стоят на одном нравственном уровне с Ананией и вполне справедливо заслуживают одинаковой судьбы» [Там же, с. 207].

Иерусалимская община как исключительное и временное явление

Как уже было отмечено выше, говоря о феномене иерусалимской общины, церковные авторы, как правило², указывали на ее исключительный и временный характер. Протоиерей А.Ф. Хойнацкий признавал, что церковная история не знает того, как долго про-

¹ Современный исследователь [16, с. 25–26, 33] называет автором этого текста архиепископа Воронежского Игнатия (Семёнова), однако в оригинальной публикации авторство не указано.

² Пожалуй, единственным из приведенных выше авторов, кто не соглашался с такой трактовкой, был В.И. Экземплярский, называвший «рискованным» заключение, что «общение имуществ было только в Иерусалимской церкви и продолжалось очень недолго» [27, с. 26–27].

держались в иерусалимском обществе такие порядки. Сам же он предполагал, что такой порядок мог сохраняться лишь до тех пор, пока иерусалимское общество было немногочисленным. «Ибо в многолюдном обществе, — писал он, — оно (общение имущества. — А. И.), несмотря на свое высокое христианское значение, по необходимости должно было представлять значительные трудности, указания на которые встречаем далее в той же самой книге Деяний апостольских, по поводу избрания семи диаконов (Деян. 6:1)¹. Не менее того замечательно, что такового общения имущества не видим в других церквах, основанных апостолами, кроме первого иерусалимского общества. Вернее всего, что “неудобства сего, испытанные в сем обществе, отклонили апостолов, при учреждении других обществ, от мысли вводить обычай подобного общения имущества”, и они в посланиях своих только убеждают к христианской благотворительности и взаимной братской любви, “не принимая на себя обязанности — учреждать общие кассы, а по временам собирая лишь милостыню для бедных церквей”» [25, с. 736].

Отстаивая тот же тезис, владыка Алексей (Дородницын) писал: «Юная Иерусалимская Церковь находилась в положении исключительном: ее члены слышали учение из уст Самого Спасителя, они присутствовали при Его смерти, они видели, как проливалась Его божественная Кровь, они знали, что Евангелие должно быть проповедано всему миру. Полные религиозного одушевления и веры, окруженные жестокими врагами, они не обращали внимания на земные интересы и предались исключительно проповеди Евангелия, которую Иисус Христос возложил на Своих учеников. Призванные возродить человечество, они желали с одной стороны освободиться от забот материальной жизни, а с другой — удовлетворить нужды тех, которые посвятили себя проповеди и трудам апостольства. Вот главная цель “коммуны”» [1, с. 21–22]. Но такая коммуна, полагал архиерей, не могла просуществовать долго и стать *правилом* для *всей* Церкви. «...Отрешившись от земных интересов, устремив свои помыслы и чувства к интересам небесным, к возрождению людей словом евангельской проповеди и благодатию Св. Духа, апостолы, естественно, не имели ни времени, ни желания заниматься делами “коммуны”, приобретением земель, капиталов и проч., и вполне понятно, что каждое новое выделение нуждающимся из средств коммуны, ослабляло ее, и она приходила к упадку... Естественно, после этого спросить социалистов, каким образом такой строй мог быть усвоен, как нормальное состояние Церкви Христовой, которая, по словам Самого Основателя ее, должна существовать до скончания веков и принять в свое лоно все народы земли? (Мф. 28:20)» [Там же, с. 22]. А архимандрит (в будущем — митрополит) Платон (Рождественский), также называя иерусалимскую общину «явлением исключительным и временным», считал даже ее опыт «не имеющим отношения к сущности христианства» [18, с. 9].

Протоиерей Иоанн Восторгов также указывал на то, что опыт иерусалимской общины оказался недолговечным, и Церковь в лице апостолов не стала настаивать на его обязательности для всех. «...Общение имущества, даже добровольно предпринятое в Иерусалиме, скоро вызвало злоупотребления и раздоры как бы в оправдание старинной поговорки: *Communio — mater rixarum*, то есть общение — мать раздоров². Ибо, где люди, там и страсти. Что же апостолы? Поддерживали во что бы то ни стало общение имущества? Нет. <...> ...Поддерживать насильно и внешне то, что не вытекало из добровольного и внутреннего настроения христиан, апостолы не пожелали, а после в других церквах этой попытки общения имущества мы уже не видим. Значит, явление это было *временным* и необязательным для христианства. Не запрещается оно и теперь; напротив, оно поощря-

¹ «В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей».

² *Communio est mater rixarum* (лат.) — общее (общее имущество) — мать раздоров.

ется; мы это видим в монастырях. С радостью приветствовал бы его всякий христианин и в мире, вне обителей, но не как насильственно и принудительно проводимый строй жизни, что хотели бы сделать социалисты, — а как результат того, что было у первых христиан: *сердце едино и душа едина*» [9, с. 82].

Соглашался с такой оценкой иерусалимской общины и протоиерей Александр Иванов-Платонов. Обращая внимание на то, что такое «идеальное общественное устройство» просуществовало «между самыми первенствующими христианами» недолго, пастырь видел причину этого в том, что первоначальный высокий порыв духа любви ослаб, и уже между самими иерусалимскими христианами, «по всей вероятности скоро после возникшего общения имуществ, стали открываться примеры злоупотреблений, взаимного недоверия, подозрений, жалоб (Деян. 5, 6) и т. д.» [13, с. 81]. Поэтому, приходил к выводу проповедник, «в других городах, где потом явилась христианская Церковь, мы уже не видим общения имуществ, хотя дух христианской любви в более обычной форме взаимной благотворительности проявляется еще живо и сильно во многих обществах...» [Там же, с. 81]. Более того, по словам Алексия (Дородницына) опыт иерусалимской общины «никогда не играл существенно важной роли в жизни первенствующей Церкви», что видно из апостольских посланий другим юным церквам, которые, будучи «исполненные веры и любви, не заключают в себе ни одного слова против законности частной собственности и ни одного слова поощрения коммунистических идей» [1, с. 24].

Резюмируя, о. Иоанн Восторгов писал: «Общение имуществ в первой Иерусалимской общине христиан представляет собою явление исключительное для апостольской Церкви и кратковременное даже в жизни самой иерусалимской общины. В этом смысле один из умеренных сторонников социализма правильно называет его исключительным “праздником христианства”¹, впоследствии не повторявшимся...» [8, с. 307]. А о. Андрей Хойнацкий указывал: «Если же устроенное таким образом первоначальное общежитие в Церкви христианской, как следствие случайного возбуждения, не могло даже продолжаться в самой Церкви христианской, то тем менее оно может служить примером для коммунизма, который все хочет устроить не на любви, а на праве, не на вере, а на отрицании всего духовного и на отвержении самой даже нравственной природы человека» [25, с. 736].

Отличия иерусалимской общины от коммунистического идеала

«Описанное в книге Деяний “общение имуществ” на первый взгляд имеет много сходного с тем идеалом, который составляет предмет стремлений различных коммунистических партий, — писал протоиерей Николай Стеллецкий. — Но беспристрастное рассмотрение этого свидетельства Деяний должно привести нас к иному заключению, именно, что “общение имуществ” в первенствующей Иерусалимской церкви не имело ничего общего с социалистическим коммунизмом, как экономическим институтом» [23, с. 95]. Платон (Рождественский), рассмотрев уклад иерусалимской общины, высказывался на этот счет еще более категорично: «В Евангелии нет ни одного правила и ни одного предписания в коммунистическом духе» [18, с. 8].

Церковные авторы единодушно приходили к выводу, что социалисты, ссылаясь на этот случай из жизни первых христиан, «берут только следствие и не хотят знать причины следствия»; не желают понять, что справедливое общество невозможно построить лишь правовыми методами, путем насилия и принуждения, без нравственного развития и

¹ Видимо, протоиерей И.И. Восторгов цитирует С.Н. Булгакова, писавшего об иерусалимской общине: «здесь описан исключительный праздник в истории христианства, а то, что естественно в праздник, не вполне применимо в будние дни» [6, с. 219].

перевоспитания людей. «У первых христиан не было противоречия между учением их и их жизнью», — писал Иоанн Восторгов, но «до религиозно-нравственных соображений социализму нет дела», поскольку «он желает объединить человечество не на основе любви, единодушия и единосердечия, а на началах экономических, прельщая людей мечтой, что принудительно можно совершенно уничтожить среди них всякое неравенство, богатство и бедность». А потому социализм «так же далек от христианства, как далеко, например, обыкновенное употребление вина и хлеба от таинства причащения, как далеко купанье ребенка в ванне от таинства крещения» [9, с. 79–80].

Обращал внимание пастырь и на другие принципиальные отличия жизни иерусалимской общины от того, что проповедовали сторонники социализма. «Тот ли коммунизм мы видим у первых христиан, о котором мечтают социалисты? — задавался он риторическим вопросом. — Нет. Мы видим здесь, выражаясь языком писателей социалистических, коммунизм *потребления*, а не коммунизм *производства*. Последний-то и является главным в социализме, и от него собственно зависит общность потребления. Иначе христиане все бы скоро распродали и роздали, — а дальше что? *Их община была не экономическая, а религиозно-нравственная*» [Там же, с. 80]. О том же писал и М.Э. Поснов, утверждавший, что «общение имуществ в первенствующей Иерусалимской церкви не имело ничего общего с социалистическим коммунизмом потребления», поскольку исходило оно из *религиозной, а не экономической* основы [20, с. 751].

В свою очередь протоиерей Николай Стеллецкий указывал на еще один важный момент, отличающий первых христиан от социалистов и коммунистов: «христианство при возникновении было движением народным, но вместе с тем, не классово-экономическим, а именно религиозным». По словам пастыря, христианство всегда было «внеклассовою, междуклассовою, то есть универсальною, всенародною религиею», никогда не призывало к классовой борьбе и стоит «выше всяких различий между богатыми и бедными, рабами и свободными», «как благословение Божие, оно является отрадою для всех людей вообще, а не для одних рабов или пролетариев» [23, с. 20–21].

Что же касается вопроса о собственности, то о. Иоанн Восторгов также не соглашался с популярным тезисом, что христианами она якобы отрицалась. Полемизируя со сторонниками таких взглядов, проповедник указывал на то, что христиане первых времен владели собственностью, и никто *не принуждал* их с этой собственностью расставаться, ибо раздача своего имущества — подвиг *сугубо добровольный*, имеющий нравственную ценность лишь в том случае, если происходит по велению сердца, а не по приказу и принуждению внешней силы [9, с. 80–81]. Вторил ему и Алексей (Дородницын): «...Какое же социалисты имеют основание утверждать, что апостолы изгнали из иерусалимской общины христиан частную собственность и сделали обязательным коммунизм? — Никакого. Для того, чтобы сделаться членом Иерусалимской церкви не нужно было лишаться своего имущества, достаточно было принять крещение и исполнять заповеди Евангелия» [1, с. 20]. В качестве подтверждения правоты этого тезиса, архиерей, ссылаясь на трактовки Евангелия святыми отцами, отмечал, что Спаситель предложивший богатому юноше раздать свое имение, дал тому лишь *совет*, который помог бы ему достичь нравственного *совершенства* («аще хочеши совершен быти»), но не *заповедь*, обязательную для исполнения (Мф. 19:20–21). Да и постоянные призывы к милостыне (*добровольной* жертве), содержащиеся в Христовом учении и обещанная награда за нее, отмечал архипастырь, не имели бы смысла, если бы частная собственность была бы осуждена Спасителем, а христианам рекомендовалось бы коммунистическое общежитие. Поэтому, по мнению Алексея (Дородницына), то, что проповедовали современные ему социалисты, имело родство

не столько с установками, существовавшими в иерусалимской общине, сколько с их искажениями, появившимися у еретиков-николаитов, устраивавших свою жизнь «на началах постоянного коммунизма и свободной любви». «Они учили, что собственность не совместима с христианской любовью и что все должно быть общим между братьями, возрожденными чрез крещение. Но как апостолы отнеслись к этому учению? Видели ли они своих единоверцев в сектантах, которые изобрели и распространяли его? Они торжественно осудили их заблуждения и их самих отлучили от Церкви. <...> Эти факты, так характерные и так многозначительные, этот торжественный протест против коммунистического учения николаитов со стороны апостолов, которые присутствовали при учреждении иерусалимской “коммуны”, должны заставить замолчать социалистов, оскорбляющих своим учением священную память первых христиан» [Там же, 22–23].

«Коммунизма в социалистическом смысле не было между первыми христианами, а была только живая любовь христианская, которая “не ищет своего” (1Кор. 13:5) и не отказывает ни в чем нуждающемуся», — приходил к выводу священник П.А. Альбицкий [2, с. 16]. «Как далеко оно (первохристианское отношение к общему имуществу. — А. И.) от пресловутого коммунизма, порожденного мечтательными головами нашего времени, не постыдившимися прикрываться высоким авторитетом неизвестной им древней Церкви Иерусалимской! — писал другой церковный автор. — Может ли быть какое-либо сравнение между иерусалимским общением имуществ и современным коммунизмом? Что общего у света с тьмою (2Кор. 6:14)? Там глубокая братская любовь, созерцая Первообраз любви, радостно и охотно приносит в жертву тленные земные сокровища неимущим братьям; здесь, напротив, зависть и ненависть к благосостоянию ближнего, прикрываясь требованиями справедливости и равенства, стремится насильственным путем, всеми ужасами варварских злодеяний, уравнивать жизненные средства труженика с тунейдцем, даровитого с бездарным, расточителя с бережливым. Какой глубокий контраст между этими двумя формами имущественного общения! И, однако, находятся люди, утверждающие между ними полное согласие! Безумное кощунство над первохристианской Церковью!» [21, с. 163].

Впрочем, как считал еще один церковный автор — профессор Казанской духовной академии протоиерей Николай Петров, «если отбросить христоненавистничество и безбожие социалистов, то их идеи должно признать полезными. Ведь если бы люди действительно чувствовали себя детьми единого Отца Небесного и братьями, то у них все было бы общее, как у первых христиан в Иерусалиме, никто не стремился бы быть богаче и выше других, все самоотверженно работали бы на общую пользу и не было бы голодных, бедных, необеспеченных, угнетенных и порабощенных. Идеи братства, равенства и свободы — христианские идеи, заимствованы социалистами из христианства, и осуществление их в жизни должно быть желанным для каждого христианина. Напоминание о них было бы великой заслугой социалистов, если бы они не отрывали эти великие идеи от их корня — от веры в Отца Небесного и во Христа, и не зачеркивали их своею же проповедью классовой вражды и насилия» [17, с. 22–23].

Но, по словам другого церковного автора — протоиерея Н.С. Стеллецкого, оснований для таких упований практически не было. «Если бы, — писал он, — и у современных членов Церкви Христовой был такой же дух любви, как у христиан первых веков, сами собой поддерживались бы между ними те идеальные отношения к своему имуществу, какие имели место в первоначальной иерусалимской общине. Но когда у членов теперешнего общества христиан не только “не одно сердце и не одна душа”, но, напротив, почти каждый из них думает только о себе, возможно ли при таком нравственном состоянии общества мечтать, по примеру многих социалистов, о воз-

вращении современного человечества к идеальному устройению материальной жизни первобытного христианского общества? Мечтать о восстановлении между людьми идеальных отношений к своей собственности, существовавших у первенствующих христиан, не заботясь в то же время о восстановлении между ними тех нравственных свойств, какими отличались члены первоначального христианского общества, — это совершенная утопия» [23, с. 98].

Таким образом, церковные авторы второй половины XIX — начала XX века не смотря на незначительные расхождения в оценках раннехристианской иерусалимской общины, ее опыта и достижений, оказались практически единодушны в несогласии с отождествлением установившихся в ней имущественных отношений с теми, к которым призывали идеологи социализма и коммунизма. Принципиальные отличия виделись им, в первую очередь, в том, что члены общины пришли к идее «общения имуществ» (частичного или полного) исключительно добровольно, вследствие установившихся в ней отношений подлинной братской любви, а не путем правового регулирования, насилия и принуждения, к чему призывали сторонники коммунистической идеи в XIX — XX веках. И если для социалистов и коммунистов обобществление имуществ оказывалось вожденной целью, то для иерусалимских христиан было лишь следствием их жизни. Члены иерусалимской общины не искали чужого, а выражали готовность поделиться своим, в то время как вожди социализма призывали «экспроприировать экспроприаторов». Как справедливо отмечает современный автор — «члены иерусалимской общины свое имение не называли своим, а не чужое имение считали своим», то есть, добровольно отказываясь от собственности, уважали права других владеть принадлежащим им имуществом [16, с. 26]. Христианская Церковь, призывая своих чад к жертвенности и братской любви, преодолению эгоизма, приветствовала как возможное следствие такой жизни — единение имуществ, но вместе с тем никогда не отрицала частной собственности, не посягала на ее неприкосновенность и осуждала всякое покушение на чужое. Первые христиане, пришедшие к «общению имуществ», не знали ни классовой вражды, ни осуждения богатых, никому не навязывали правила своего общежития.

Кроме того, большинство церковных авторов приходили к мысли, что опыт иерусалимской общины оказался недолгим и не смог стать *правилом* для других христианских общин, а значит, попытки *искусственного* его насаждения могут привести только к его искажению, симуляции и дискредитации. Вместе с тем, это не означает, что опыт ранней христианской Церкви не должен быть *примером*, к которому стоит стремиться, но стремиться исключительно мирным путем долгого нравственного совершенствования. Как справедливо отмечал один из церковных авторов, «мы отнюдь не отвергаем, напротив, всеми силами своей души желаем, чтобы иерусалимское общение имуществ сохранялось образцом для всех родов христианской Церкви» [21, с. 163]. Но уникальный опыт иерусалимских христиан также показал и то, что за пределами небольшой общины, при существующих в человеческом обществе нравах и отношениях, он оказался нежизнеспособным. Возрождаясь в дальнейшем в монашеских общежитиях, он не мог быть повторенным не только в масштабах всего человечества, но даже среди относительно небольших сообществ христиан-мирян. А потому принципиальное отличие христианского опыта построения справедливого общества от коммунистической идеи заключается в том, что первый говорит о возможности осуществления одного лишь путем нравственного совершенствования человечества, а значит, призывает не к устройению тех или иных форм общественно-экономических отношений, а к преобразению самого человека. Ибо преобразившиеся нрав-

ственно люди способны улучшить систему общественно-экономических отношений, но не система общественно-экономических отношений способна улучшить людей. «Если что может и должно служить здесь предметом подражания, — писал про жизнь иерусалимской общины М.Э. Поснов, — то те высокие чувства — стремление к спасению, к Царству Божию, любовь к ближним, — которые воодушевляли первых христиан и изнутри освещали внешнюю жизнь и выражались в разнообразных формах. Этот путь возрождения человеческой жизни изнутри во вне, как единственно верный путь, завещан ими и последующим поколениям» [20, с. 751].

В этой связи кажутся малоубедительными попытки, как социалистических авторов прошлого, так и некоторых современных публицистов, подверстать сложившийся у первых христиан Иерусалима жизненный уклад под понятие коммунизма, пусть даже и христианского. Так, например, апологет «православного социализма» Н.В. Сомин, стараясь доказать, что святые отцы древности проповедовали «христианский коммунизм», видя в нем «ангельское общество», недоумевает, почему «с конца XIX века появились совершенно другие оценки происшедшего», и «русские богословы словно сговорились доказать, что не было первохристианского коммунизма» [22]. На наш же взгляд, никакого противоречия здесь нет. Ведь в трудах святых отцов древней Церкви нет ни единого слова о социализме и коммунизме, поскольку таковых понятий тогда еще попросту не существовало и не могло существовать, а когда они появились, оформились, распространились и приобрели своих адептов, церковные авторы не могли не обратить внимание на ту принципиальную разницу, которая существовала между представлением об идеальном человеческом обществе у первых христиан и у идеологов социализма и коммунизма XIX — XX веков. Употреблять же термин «коммунизм», появившийся в XIX веке, по отношению к событиям I века едва ли корректно (так же, как и писать о различных проявлениях в древности фашизма, либерализма, консерватизма и других идеологий эпохи модерна), поскольку, несмотря на то, что истоки этого радикального левого учения можно отыскать даже в языческой античности, этот термин неизбежно отсылает нас к историческому опыту Нового и Новейшего времени. Как справедливо замечает С.В. Лукин, все попытки «легким путем изменения внешних условий изменить внутреннего человека» обернулись полным провалом, «все без исключения коммунистические эксперименты терпели неудачу, ибо не имели единственно возможной основы объединения имуществ <...> [—] “нравственного единения и любви друг к другу” первых христиан», а потому замечание древних отцов Церкви, что «дьявол есть обезьяна Бога» как нельзя лучше иллюстрирует сравнение «общности имущества в первохристианской общине и общности имущества в коммунизме» [16, с. 26]. Именно поэтому церковные авторы второй половины XIX — начала XX века так единодушно отвергали какое-либо тождество между первохристианской общиной и появившимся на исторической арене коммунизмом.

Литература

1. *Алексий (Дородницын), еп.* Христианство и коммунизм. Казань: Центр. тип., 1909. 40 с.
2. *Альбицкий П., свящ.* Христианство и социализм (Крит. разбор «социализма» с точки зрения науки и Евангелия). Н.-Новгород: Тип. А. А. Муратовой, 1907. 113 с.
3. Анания как первообраз современных европейских коммунистов // Сб. ст. по истолковательному и назидательному чтению Деяний Св. Апостолов с библиографическим указателем / Сост. М. Барсов. Изд. 2-е. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1903. С. 206–207.
4. *Архангельская Н.О. А.И. Герцен* о первоначальном христианстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 38–48.
5. *Бронзов А.А.* Против социализма: перечень «некоторой» русской литературы // Христианское чтение. 1911. № 5–6. С. 703–717.
6. *Булгаков С.Н.* Два града: Исследования о природе общественных идеалов. В 2-х т. Т. 1. М.: Товарищество типографии А. А. Мамонтова, 1911. 303 с.

7. *Восторгов И.И., сщмч.* Берегись обманных речей. (Против социалистов всех партий) // Полное собр. соч. протоиер. Иоанна Восторгова. В 5-ти т. Т. 5. СПб.: Изд-во «Царское Дѣло», 1995. С. 11–46.
8. *Восторгов И.И., сщмч.* Противосоциалистический катехизис // Полное собр. соч. протоиер. Иоанна Восторгова. В 5-ти т. Т. 5. СПб.: Изд-во «Царское Дѣло», 1995. С. 224–318.
9. *Восторгов И.И. сщмч.* Христианство и социализм // Полное собр. соч. протоиер. Иоанна Восторгова. В 5-ти т. Т. 5. СПб.: Изд-во «Царское Дѣло», 1995. С. 48–144.
10. *Георгиевский М.А.* Древнехристианский коммунизм // Путь. 1929. № 18. С. 25–53.
11. *Герцен А.И.* Легенда // А.И. Герцен. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 81–106.
12. *Иванов А.А.* Епископ Андрей (Ухтомский): церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма // Научный диалог. 2021. № 8. С. 323–340.
13. [*Иванцов-Платонов А. М., прот.*] Христианское учение о любви к человечеству сравнительно с крайностями учений социалистических: на память воспитанникам XII выпуска Александровского военного училища от законоучителя протоиерея А. М. Иванцова-Платонова. М.: Университетская тип., 1875. 96 с.
14. *Каутский К.* Происхождение христианства. М.: Политиздат, 1990. 469 с.
15. *Ленин В.И.* Государство и революция // Полное собр. соч. В 55-ти т. / В.И. Ленин. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
16. *Лукин С.В.* К вопросу об имущественном строе первохристианской общины Иерусалима // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 23–34.
17. *Петров Н.В., свящ.* Отношение социализма к религии и христианству. Казань: тип. Совета РНСД, 1918. 24 с.
18. *Платон (Рождественский), архим.* Христианство и социализм: Речь, произнес. на годич. акте Киев. духов. акад., 26 сент. 1900 г. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1900. 46 с.
19. *Поснов М.Э.* Первая христианская община и коммунизм // Христианское чтение. 1909. № 4. С. 588–602.
20. *Поснов М.Э.* Первая христианская община и коммунизм // Христианское чтение. 1909. № 5. С. 737–751.
21. *С. П-ий.* Общине имущества (мнимый коммунизм) в древней Иерусалимской церкви // Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний Св. Апостолов с библиографическим указателем / Сост. М. Барсов. Изд. 2-е. М.: Издание книгопродавца А. Д. Ступина, 1903. С. 156–163.
22. *Сомин Н. В.* Спор вокруг Иерусалимской общины. Об общем имуществе у первых христиан // Русская народная линия. 06.02.2011. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2011/02/07/spor_vokrug_ierusalimskoj_obwiny/ [дата обращения 31.08.2022]
23. *Стеллецкий Н., проф.-прот.* Новейший социализм и христианство. СПб.: тип. П. П. Сойкина, [1913]. 151 с.
24. *Федотов Г.П.* Церковь и социальная правда // Г.П. Федотов. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 5: И есть и будет [размышления о России и революции]. М.: Мартис: SAM & SAM, 2011. С. 319–341.
25. *Хойнацкий А.Ф., прот.* Коммунизм, его история, воззрения и задачи // Христианское чтение. 1879. № 5–6. С. 711–738.
26. [*Шишко Л.Э.*] Рассказы из русской истории. Ч. 1–2. [Женева]: Издание Партии социалистов-революционеров и Аграрно-социалистической лиги, 1902. 142 с.
27. *Экземплярский В.И.* Учение древней Церкви о собственности и милостыне. Краснодар: «Текст», 2013. 272 с.
28. *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Сочинения. В 30-ти т. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 22: Январь 1890 — август 1895. М.: Госполитиздат, 1962. С. 465–492.

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются взгляды русских церковных авторов второй половины XIX — начала XX века (православных священнослужителей, богословов, преподавателей духовных школ) на феномен иерусалимской общины и попытки сторонников социалистических взглядов трактовать уклад иерусалимских христиан как «первохристианский», «апостольский» или «древнехристианский» коммунизм. На примере разбора церковными авторами книги «Деяний святых апостолов», показаны их трактовки имущественных отношений, установившихся в иерусалимской общине, причин ее уникальности, толкования грехопадения Анания и Сапфиры, а также принципиальные отличия жизни первых христиан от коммунистического идеала. Показано, что, несмотря на незначительные расхождения в оценках иерусалимской общины, ее опыта, достижений и сроков существования, церковные авторы оказались единодушны в несогласии с отождествлением установившихся в ней имущественных отношений с теми, к которым призывали идеологи социализма и коммунизма.

Ключевые слова: иерусалимская община, христианство, коммунизм, социализм, христианский социализм, христианский коммунизм, русская церковная публицистика, Русская Православная Церковь.

Andrey A. Ivanov, Doctor of History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University.
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru.

“Early Christian Communism”: Russian Church Journalism in the Latter Half of XIX — Early XX Century About the Phenomenon of the Jerusalem Community¹

Abstract. The article considers and analyzes the views of Russian church authors in the latter half of XIX – early XX century (orthodox clergy, scholars, teachers of theological schools) toward the phenomenon of the Jerusalem community and the attempts of supporters of socialist views to treat the patterns of life and thought of Jerusalem Christians as an “early Christian”, “apostolic” or “ancient Christian” communism. Through the example of the critical scrutiny by church authors of the book “The Acts of the Apostles”, the paper shows their interpretations of property relations established in the Jerusalem community, reasons of its unique character, exegesis of the fall of Ananias and Sapphire, as well as fundamental differences of life of first Christians from the communist ideal. It testifies that notwithstanding the insignificant disparity of valuations concerning the Jerusalem community, its experience, achievements and period of existence, church authors had an undivided opinion in terms of disagreement with the fallacy of division between property relations of the community with those proclaimed by ideologists of socialism and communism.

Keywords: Jerusalem community, Christianity, communism, socialism, Christian socialism, Christian communism, Russian church journalism, Russian Orthodox Church.

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44084.